

За полгода до основных событий

Отложив газету на край стола, Дмитрий Григорьевич Поляков шумно вздохнул. Светскую хронику он не любил. Обычно та расплзлась по серой бумаге во все стороны, точно убежавшее молоко, чем изрядно раздражала. Заголовки статей пестрели громкими фразами, двусмыслицей и восклицательными знаками, с фотографий смотрели худенькие длинноногие певицы, ярко накрашенные актрисы, самодовольные ведущие различных ток-шоу.

— Улыбаются, — хмыкнул Поляков.

Когда же он перестал радоваться жизни, когда разлюбил праздники? Десять лет назад. Именно тогда жена собрала чемоданы и, сказав тихое «прости», шагнула за порог. Любовь к тому времени остыла, и расставание не принесло боли, но странная, ноющая тоска изредка дергала за тонкие ниточки нервов. «Дорогой Дмитрий Григорьевич, как дела? Плохо вам? Да, угадали, это я — Ее Величество Одиночество. Нет, не уйду. Ни за что не уйду! И не просите, не просите и не уговаривайте, не уговаривайте...»

— Один, совсем один, — пробормотал Дмитрий Григорьевич, наклоня бледно-голубую чашку. Кофе выпит, остался лишь густой горький осадок... Зиноч-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ка только для него, для дорогого шефа, и только вечером готовит особенный кофе по рецепту не то бабушки, не то прабабушки — крепкий, с привкусом шоколада.

В астрологию, предсказания, гадания и «прочую бессовестную чушь» Поляков не верил, но, кинув взгляд на газету, от скуки решил попытать счастья. Он перевернул чашку, представил, как коричневая жижа лениво сползает на блюдец, и посмотрел на часы. Без пяти семь.

Дверь приоткрылась, и Дмитрий Григорьевич увидел стройную кудрявую Зиночку. Уже полтора месяца он размышлял: сделать ее своей любовницей или нет, но отношения не сулили желаемого комфорта, и дело с мертвой точки не двигалось. Ему сорок шесть, а ей двадцать девять, он слегка полноват, а она привлекательна и к тому же является обладательницей шикарного бюста, притягивающего взоры мужчин всякого возраста. Он устал, и в его сердце вряд ли разгорится огонь, а она готова любить хоть сию секунду, причем любить с охами, вздохами и постоянным обожанием в глазах... Не решался Поляков, не решался.

— Дмитрий Григорьевич, время-то уже семь, — заходя в кабинет, сказала Зиночка. Качнула бедрами, убрала за ухо непослушный локон и призывно посмотрела на шефа (вот какая я красивая, чего же ты медлишь?).

Зиночка была не прочь закрутить роман с начальником, но особо не навязывалась, однако при случае давала понять, что дорога к ее сердцу вовсе не трудна и уж совсем не терниста. Но, каждый раз наталкиваясь на отрешенный взгляд серых глаз, она не слишком расстраивалась — мужчин на ее век, конечно же, хватит.

МАДЕМУАЗЕЛЬ СУДЬБА

— Ты можешь идти домой, я еще поработаю, — сухо ответил Поляков.

Пожав плечиком, Зиночка покинула кабинет, но через минуту вернулась.

— Дмитрий Григорьевич, к вам женщина.

— Какая?

— Странная...

Такого понятия, как «странная», для Полякова не существовало, за последние двадцать пять лет он повидал столько непонятного, необъяснимого и нетипичного, что давно уже ничему не удивлялся. К нему приходили выжившие из ума старухи, загнанные в угол наркоманы, зареванные звезды шоу-бизнеса, избалованные малолетние отпрыски удачливых бизнесменов, чьи-то мстительные жены, взбешенные мужья и вооруженные быстродействующим ядом любовницы. Он привык воспринимать окружающих с иронией и сарказмом и всегда держался от них на расстоянии вытянутой руки — душа оставалась спокойной, ничто не мешало мыслям выстраиваться звеньями в прочную цепочку. Первое, второе, третье — ясно и четко.

— Пригласи.

— Я вообще-то ей сказала, что рабочий день закончился, а она...

— Пригласи, — перебил Дмитрий Григорьевич. Сколько раз он объяснял Зиночке, как нужно себя вести с клиентами, но тщетно — в одно ухо влетало, в другое вылетало. Кинув взгляд на бледно-голубую чашку, Поляков почувствовал острое желание перевернуть ее сейчас же, немедленно. Дмитрий Григорьевич вдруг разнервничался и разволновался оттого, что предсказание уже свершилось, но из-за глупой Зиночки и неизвестной женщины он не имеет возможности узнать свое будущее.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Секретарша протянула «до завтра», недовольно поджала губы и скрылась за дверью. Дмитрий Григорьевич откинулся на спинку кожаного кресла и приготовился к худшему — сейчас зайдет очередная неврастеничка или молодящаяся престарелая особа, играющая роль девочки.

Но в комнату вплыла тень. Высокая, тонкая и бесшумная. Остановившись в самом темном углу кабинета, она застыла.

Черная узкая юбка почти до пола, короткий черный плащ с широкими рукавами, черные волосы, уложенные волной, и черная вуаль, прикрепленная к ним. Незнакомка излучала магическое притяжение, точно ее существо состояло из миллиарда крупинок недозволенного и прекрасного. Мгновенно ощутив непреодолимую силу влечения к этой женщине, Поляков понял, что проиграл, быть может, первый раз проиграл... Причем сразу.

У Дмитрия Григорьевича пересохло во рту, на лбу выступил пот, и неожиданная боль победно прогремела в каждом позвонке. Он поднялся из-за стола и сделал шаг к знакомке, но та резко вытянула руку вперед — положение изменилось, кажется, теперь его собираются держать на расстоянии вытянутой руки.

— Прошу вас, садитесь, — сказал Дмитрий Григорьевич, чувствуя, как холодеют пальцы и душа наполняется пульсирующим чувством восторга. Сколько знакомке лет? Двадцать пять? Тридцать? Сорок?

«Как бы не пришлось продать душу дьяволу, — прячась за сарказм, подумал Дмитрий Григорьевич. — Интересно, чего она попросит? Где бумага, на которой нужно обязательно расписаться кровью? Хорошо еще, если своей...»

МАДЕМУАЗЕЛЬ СУДЬБА

— Благодарю вас, но я постою, — тихо ответила женщина. Сняв плащ, она небрежно бросила его на стул.

«По голосу не больше тридцати... Глупо, — отругал себя Поляков, подошел к шкафу и заложил руки за спину. — Голос обманчив».

— Поляков Дмитрий Григорьевич, — представился он, пытаясь разглядеть хоть какие-нибудь черты лица через узорчатую вуаль, но безрезультатно — черная ткань скрывала даже подбородок.

— Я знаю. Вас удивляет мой внешний вид?

— Немного.

— Не обращайтесь внимания, считайте это причудой.

В голове у Полякова пронеслась мысль, что вуаль скрывает шрамы... Возможно, ожог или последствие аварии... Но он тут же отказался от подобных предположений, сердце настойчиво шептало: «Эта женщина красива, необыкновенно красива».

— Сохранять инкогнито ваше право.

Незнакомка открыла сумочку, достала пухлый конверт и, положив его на журнальный столик, сказала:

— Здесь триста тысяч.

— По какому поводу?

— Вы никогда не будете пытаться узнать, кто я. Пожалуйста, обещайте мне это.

— Даю честное слово, — поправив очки, ответил Поляков. Он не нуждался в деньгах и с легкостью мог отказаться от такой суммы, но заинтригованный и взволнованный, хотел лишь одного: как можно дольше находиться рядом с женщиной в черном. — Скажите хотя бы имя, должен же я к вам как-то обращаться.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Ольга, — ответила она, чуть помедлив.

— Это настоящее имя?

— Да, но меня уже давно называют иначе.

— Ольга, — медленно проговорил Поляков, все же сомневаясь в честности гостыи. — Почему вы пришли именно ко мне?

— Вы один из лучших адвокатов Москвы, у вас безупречная репутация, и вас считают очень порядочным человеком.

— Порядочным, — усмехнулся Дмитрий Григорьевич. — В наше время это понятие стало весьма относительным...

— Вы никогда не нарушаете обещаний и не выдаете чужих секретов.

Улыбнувшись, Дмитрий Григорьевич вернулся к столу — приятно, очень приятно услышать о себе такое мнение, особенно из уст столь необыкновенной женщины.

«Хорошо», — мысленно произнес Поляков.

Взлет его карьеры случился пятнадцать лет назад. Судьба подкинула несколько громких процессов подряд, и Дмитрий Григорьевич, приложив максимум усилий, отстаивал интересы своих клиентов, разгромив тем самым и обвинительную сторону, и дышащих в спину конкурентов. Теперь же, намотав объемный клубок славы и зарекомендовав себя умным и успешным адвокатом, он не слишком напрягался в судах, ловко распределял работу между подчиненными и... боролся с тоской.

— Пожалуйста, не сомневайтесь, я смогу оплатить ваше время и ваш труд.

— Ольга, прежде чем мы начнем разговор о вознаграждении, я хотел бы узнать причину вашего по-

МАДЕМУАЗЕЛЬ СУДЬБА

явления в моем кабинете. Я весьма избирателен и от многих предложений отказываюсь.

— Нет, сначала пообещайте помочь мне, а потом я расскажу вам все.

Проиграл, проиграл... Поляков почувствовал на себе непреклонный взгляд — Ольга знала, что он согласится, и знала это еще когда выходила из дома, садилась в машину, поднималась по ступенькам, а затем ожидала приема в светлой комнате с мягкими креслами. Конечно, эта женщина осознавала свою магическую силу и умело ею пользовалась.

Дмитрий Григорьевич коротко вздохнул: «Так под чем же придется расписаться кровью?»

— Обещаю, — ответил он, подавляя острое желание подойти к загадочной гостье ближе, вдохнуть аромат духов, прикоснуться к белым, почти прозрачным пальцам... Да что же за наваждение такое!

Ольга наклонила голову набок, и Поляков понял — она улыбается.

— Что вас привело ко мне?

Гостья резко выпрямилась, вуаль дрогнула. Всего лишь мгновение — и перед ним неприступная, холодная женщина. Попытайся он сделать шаг, и Ольга вновь вытянет вперед руку, тем самым налагая запрет на любое сближение.

— Вы должны мне помочь. Я совершила тяжкое преступление... — Ольга произнесла слова тихо, но в ушах Полякова они раздались барабанной дробью. Дмитрий Григорьевич чуть не оглох, хотя слышать приходилось и не такое. — Я теперь готова на все... — Сцепив руки, Ольга закрыла глаза, вздрогнула, несколько секунд помолчала, а затем, сделав глубокий вдох, стала рассказывать, не называя фамилий, опускающая детали...

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Она ушла так же тихо, как и появилась, лишь легкий аромат духов: смесь кардамона, ванили и грейпфрута — повис в воздухе, наполняя душу непокоем и... приятным трепетом. Первым порывом было броситься к окну и просто посмотреть ей вслед, но Дмитрий Григорьевич сдержался. Какой же соблазн запомнить номер машины и узнать, кто Ольга на самом деле... Но Поляков обещал уважать секрет, а своих слов преуспевающий адвокат на ветер не бросал.

Поднимая бледно-голубую чашку, Дмитрий Григорьевич уже знал, что увидит — темный силуэт таинственной женщины...

ГЛАВА 1

Босоножки можно было смело выбросить на помойку. Лаковые цветочки ободрались, а некогда красивые кожаные тесемки теперь напоминали шнурки пенсионера Сухорукова, проживавшего на третьем этаже и носившего двенадцать месяцев в году одну и ту же обувь — серые с белой отделкой кеды. «Закаляй ноги смолоду, дура», — частенько говаривал он Валентине, противно причмокивая блестящими, как дождевые червяки, губами.

— Козел, — буркнула Валя, вспоминая Сухорукова.

Вопрос о покупке новой обуви встал на повестке дня ребром. Приятно осознавать, что предстоящая трата не сильно ударит по кошельку — полученная премия уже три дня «пылилась» под тяжелой хрустальной пепельницей, давая возможность мечтам отплясывать бойкую чечетку.

— Куплю самые лучшие, — улыбнулась Валя, представляя новенькие кожаные босоножки с аккуратным каблукочком. — Черные или бежевые? Бежевые или черные?

Выбирать она не любила, еще будучи школьницей, могла часами стоять около витрины магазина

ЮЛИЯ КЛИМОВА

«Канцтовары», бесконечно разглядывая разноцветные ластик, а уж если дело доходило до набора ручек или пенала, то тут хоть караул кричи — пока все не перетрагает, сто раз не вздохнет печально, решения не примет.

Валентина снова посмотрела на поникшие тесемки и, подхватив отжившие свой век босоножки, отправилась на кухню, где торжественно опустила их в мусорное ведро.

— Прощайте и простите, если сможете, — произнесла она с чувством выполненного долга и склонила голову, изображая вселенскую скорбь.

Натянув прямую красную юбку, приобретенную на распродаже еще в прошлом году, и белую футболку с невинной надписью «Там, где сбываются мечты», Валя сунула ноги в прозрачные резиновые шлепки и направилась к соседке. Мимолетная улыбка тронула губы, в глазах запрыгали искорки радости, а из груди вырвался короткий счастливый вздох.

— Кто там? — раздался из-за двери глухой голос Наташи.

— Чего ерунду спрашиваешь, ты же в глазок посмотрела.

— Бдительность никогда не помешает, — пропуская Вальку в квартиру, ответила соседка, — это вам, молодым, все по барабану, а мы — одинокие тридцатилетние женщины, находящиеся в длительном ожидании принца на белом коне...

— Ты сейчас что-то сложное сказала, — перебила Валька.

— Вот я и говорю, молодая ты еще. — Наташа усмехнулась, махнула рукой и через пару секунд весело спросила: — А ты чего разоделась как на демонстрацию?

МАДЕМУАЗЕЛЬ СУДЬБА

Наташку любили все. Потому что охотно мыла полы около лифта, на жизнь смотрела с заразительным оптимизмом, пекла отличные пироги с капустой и была неисправимой фантазеркой. Слушая ее, хотелось сказать: «Да, да, конечно, да», закатить глаза к потолку и поверить в мир во всем мире. «Душа ты моя», — называли ее так и семидесятилетняя Егоровна с девятого этажа, и восьмидесятилетняя Мария Степановна с одиннадцатого.

А еще Наталья вела активную борьбу с пенсионером Сухоруковым: запрещала ему бросать окурки в подъезде, гадить в лифте и плевать направо и налево. Он в ответ два раза поджег ее почтовый ящик и написал на двери квартиры белым мелом «рыжая курва», за что был бит зимним сапогом по костлявой спине. Только за эту борьбу — длительную, ожесточенную и, бесспорно, героическую — Наташе положили медаль за мужество и всеобщие обожание и уважение. Никто не осмеливался связываться с Сухоруковым, его считали проклятием дома и карой небесной одновременно.

— Пойдем в магазин, мне босоножки купить нужно, — предложила Валя, принохиваясь: не испекла ли Наташка чего вкусенького. — Старые износились, я их сегодня выбросила.

— Деньги есть?

— Ага! Я премию получила.

Одобрительно кивнув, Наташа устремила в ванную — необходимо было припудриться, накраситься и расчесать непослушные рыжие волосы. Принцы на резвых конях имеют дурацкую привычку появляться буквально из-за угла...

Скрип качелей, залитый солнцем асфальт, разноцветные клумбы, подстриженная неровными сту-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

пеньками газонная трава и легкий, еле уловимый аромат свежести — чудесный дворик, чудесное настроение, чудесный день, который не сможет испортить даже сморщенный мясистый нос пенсионера Сухорукова.

— Куда, дармеедки, направились? — спросил он, застывая синюю скамеечку газеткой.

Мужичок он был худенький, но вот нос своими размерами и цветом напоминал зрелый, лоснящийся баклажан. Ролью вселенского злодея Сухоруков очень гордился, более того, вечером записывал все совершенные за день гадости в толстую тетрадку с клеенчатой обложкой. Убирая ее под матрас, он минуты три облизывался, точно наконец-то проглотил тщательно пережеванный деликатес. Подобное поведение ехидный пенсионер объяснял просто — негодяев помнят намного дольше, чем добропорядочных граждан, а ему хочется известности, хотя бы в пределах района.

Сухоруков был согласен даже на посмертную славу, поэтому не очень страдал от отсутствия интереса со стороны прессы к своей важной персоне: «Вот помру, матрасик приподнимут — и уж если при жизни не оценили, то потом и школьников на мою могилку водить будут, и в энциклопедию имечко мое скромное вставят».

— Я говорю, куда, дармеедки, направились? — выдал Сухоруков повторно, требуя внимания.

— Никак не могу решить: черные или бежевые... — игнорируя общего врага, задумчиво протянула Валя. — Ты бы какие купила?

— Увидишь, полюбишь, и все сомнения сразу исчезнут, — с легкостью ответила Наташа.

Несмотря на субботний день, в маленьком обувном магазинчике, открывшемся полгода назад не-

МАДЕМУАЗЕЛЬ СУДЬБА

подалеку от супермаркета, покупателей почти не было. Худенькая женщина лет пятидесяти, придирчиво рассматривающая коричневые тапочки, и конопатая девчушка, мечтательно поглаживающая лаковую туфлю с десятисантиметровым каблуком, — вот и все посетители. Валька вдохнула, шумно выдохнула и окинула взглядом светлый зал. Выбирать трудно, но без этого, увы, не получится. Она прошлась вдоль первого ряда полок, затем второго, третьего и вернулась к Наташе. К сожалению, Валька могла себе позволить только одну пару босоножек.

— Есть розовые, бирюзовые, желтые... Или белые купить? Вот эти вроде ничего...

Наталья поморщилась, что было красноречивее любых слов. Валька хмыкнула, поджала губы и отправилась дальше изучать ассортимент. Через пятнадцать минут определились фавориты, но теперь предстояло понять, что важнее: красота или практичность. Наташка выступала за красоту и решительно указывала на розовые плетенки с бусинками, Валька подумывала о практичности и все чаще протягивала руку к классическим черным босоножкам...

— Обувь нужно мерить, она к ноге прилипнуть должна, — назидательно сказала подруга и спросила: — Какой у тебя размер?

— Тридцать седьмой. Хотя тридцать шестой тоже может подойти. — Валька неторопливо зашагала к продавцу, но на полпути услышала, как запиликал мобильный телефон. Номер не определился. — Да, — быстро сказала она в трубку, полагая, что кто-то ошибся и уже через пару секунд можно будет приступить к примерке.

— Валентина? — раздался мужской голос.

— Да.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Добрый день.

— Добрый... — притормозив, Валька напряглась. Голос был незнаком, официален, но... все же приятен.

— Кажется, вы сейчас покупаете обувь.

— М-м-м... — Слова закончились, захотелось обернуться и проверить, не стоит ли за спиной какой-нибудь мужчина с телефоном в руке? Помедлив, Валька молниеносно огляделась, но увидела лишь Наташу, изучающую белую сумку с объемными накладными карманами. — Вы...

— Я на улице, — подсказал мужчина. — Ожидаю вас.

— Зачем? М-м... Кто вы?

— Я должен выполнить поручение: передать вам конверт.

— Но я не жду никаких конвертов, — выпалила Валька, добавила «извините», прервала разговор и небрежно убрала мобильник в задний карман юбки. Автоматически сделав несколько шагов к витринному окну, наполовину заставленному яркими обувными коробками, она попыталась отыскать звонившего на улице, но не увидела мужчины. Что-то не складывалось, и собственная торопливая реакция оставила неприятный осадок в душе.

Конечно, хорошо бы рассказать о звонке Наташе, но та тут же ринется ее «спасать», а... Валька нахмурилась, в голове царил неразбериха, не желавшая успокаиваться. Как-то странно. Ее вроде не надо спасать. И конверт... Человек хотел передать конверт.

«Какой конверт и что в нем?»

Мобильник запиликал вновь.

— Слушаю, — ответила Валька, уже зная, чей голос сейчас услышит.

МАДЕМУАЗЕЛЬ СУДЬБА

— Валентина, вам просто нужно выйти из магазина и взять у меня конверт, — спокойно произнес все тот же незнакомец.

— Откуда вы знаете номер моего телефона? И кто вы? — отчего-то говоря тише, Валька направилась к двери магазина. — Вы курьер?

— Пусть будет так.

— Вы не ответили на мои вопросы.

— На один ответил, — уточнил мужчина с еле уловимой иронией.

«Нужно посмотреть, что это за тип, — решила Валька. — И вообще, письмо у него лучше взять, вдруг там что-то важное...»

— Хорошо, сейчас выйду, — ответила она.

— У меня будет просьба.

— Какая? — удивленно спросила Валька, хотя, казалось, лимит удивления уже исчерпан.

— Вы ведь в магазине с подругой?

— Да.

— Давайте не будем мешать ей выбирать обувь, приходите ко мне одна.

«Это уже наглость!» — попыталась разозлиться Валька и собралась из вредности окликнуть Наташу, но не стала этого делать. Не трусиха же она, в конце концов. Подумаешь, взять конверт, и все... Минутное дело.

— Вы за мной следили? — запоздало сообразила Валька.

— Немного.

— Все это очень странно.

— В жизни случается всякое.

Валя улыбнулась, сама не зная чему, и отправилась на улицу. Голос точно тянул ее из магазина прочь, и сопротивляться желанию увидеть незнакомца уже не хотелось. Минутное дело.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

«От кого же письмо?..» Любопытство вспыхнуло и заволновалось в груди.

— Ты куда? — спросила Наташа.

— Я быстренько, — обернувшись, туманно ответила Валька и дернула ручку двери на себя.

...Он стоял около серебристой иномарки. Молодой, высокий, черноволосый. Нос прямой, глаза темные. Карие? Солнце выглянуло из-за ватного облака, и ничего уже разглядеть не получилось. Валька прищурилась и приняла твердое решение купить со следующей премии солнцезащитные очки. «Черные или коричневые, коричневые или черные?» Сейчас бы она хорошо смотрелась в этих очках, которые сделали бы ее уверенной красавицей. «Ну-у, не совсем красавицей...» Сдержав улыбку, настраиваясь на деловой тон, Валька направилась к мужчине.

Конечно, возле магазина были припаркованы и другие машины, но они находились в отдалении, не то что этот «серебристый бегемот», перегородивший дорожку. И больше никто не смотрел на нее, обыкновенную Вальку, так, как этот незнакомец. Он ждал ее. Спокойно, без тени эмоций.

— Еще раз добрый день, — произнес он и протянул узкий белоснежный конверт. — Прочитайте сейчас, возможно, вам захочется ответить.

— Кому? — нарочно спросила Валька и натолкнулась на пуленепробиваемую стену молчания.

Неторопливо открыв конверт, она достала очень красивую глянцевую карточку, украшенную по углам чуть изогнутыми золотыми линиями и замысловатыми ромбиками. Линии мгновенно заискрились на солнце, точно обрадовались летнему дню и возможности продемонстрировать собственную красоту.

МАДЕМУАЗЕЛЬ СУДЬБА

Почерк уверенный, размашистый и... кажется, мужской.

*«Дорогая Валентина,
я хочу пригласить тебя в гости. Понимаю, что мое приглашение является неожиданностью и вызывает некоторые опасения, но тебе совершенно нечего бояться. При встрече я дам все необходимые объяснения.*

Сергей (он доставил письмо), в случае твоего согласия, привезет тебя в мой дом. Вернуться обратно ты сможешь в любой момент, как только пожелаешь.

К. Ю. Я.»

— Вас зовут Сергей? — уточнила Валька, растягивая время, пытаясь немного очухаться. Не каждый день к ней приезжают на «серебристых бегемотах» странные мужчины (в костюмах, белых рубашках, галстуках) и протягивают вот такие приглашения.

— Да, — ответил он, сохраняя официальность, но Валька заметила, как дрогнули уголки его губ. Бесспорно, она задала глупый вопрос, ну и что? — Ответить нужно сейчас, — добавил Сергей и уточнил: — Ваша подруга поехать с нами не может. Исключено.

«Наташка... Нужно хотя бы предупредить ее, чтобы не волновалась... Но разве возможно не волноваться в такой ситуации? Если она узнает, то никуда не отпустит... А разве я куда-нибудь еду?.. Не пустит, и правильно сделает! Только ненормальная может поехать неизвестно куда, неизвестно с кем! — Мысли Вальки закружились, точно осенняя листва по мостовой. — Кто такой *К. Ю. Я.*? И что ему нужно? Что он хочет объяснить и о чем ему важно поговорить со мной?»

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Валька быстро перечитала приглашение, но легче от этого не стало. Бред и фантастика.

— Я не могу поехать, мне надо подумать, — придавая голосу твердость, быстро произнесла она.

Сергей распахнул дверцу машины и ровно ответил:

— Или сейчас, или никогда.

— Но кто такой К. Ю. Я.?

— Валентина, об этом вы узнаете немного позже. Поверьте, поездка в ваших интересах. — Сергей многозначительно приподнял брови и замолчал.

Валька задержала на нем взгляд, цепкий, испытующий, но такой прием результата не дал, ничего не получилось угадать по выражению лица этого человека. Перед ней стоял приятный, со вкусом одетый мужчина, а не бандит с большой дороги, сжимающий в руках пистолет или окровавленный нож.

«Что же, что же вам нужно от меня? — задалась Валька отчаянным вопросом, совершенно не представляя, как поступить. — У меня нечего взять, и я не какая-нибудь красавица...»

Валька посмотрела на окна обувного магазина, еще раз подумала о Наташке и поморщилась: никуда она не поедет, что она, ненормальная, что ли...

А вдруг предстоит узнать нечто важное?

Тайну.

Да пропади она пропадом!

«Поверьте, поездка в ваших интересах...» — зажужжали в ушах слова Сергея.

— Пожалуйста, объясните, зачем мне куда-то ехать? — с нажимом произнесла Валька. — Может, вы бандиты какие-нибудь...

— Честное слово, не бандиты. Так «да» или «нет»? На принятие решения я даю вам одну минуту.

МАДЕМУАЗЕЛЬ СУДЬБА

— Замечательно, — фыркнула Валька и опустила голову, чтобы прочесть приглашение в третий раз. Еще час назад она, радостная и беззаботная, бодро отправлялась за новыми босоножками, а теперь... Это не могло произойти с ней — невозможно, невероятно, дурацкая ошибка!

Валька не заметила приближения Сергея (тот подошел совсем близко), но зато почувствовала, как он осторожно взял ее за локоть, легко и непринужденно подтолкнул к распахнутой дверце машины, затем притеснил к салону и тем самым заставил плюхнуться в кресло. Непроизвольно втянув ноги, еще до конца не осознавая, что произошло, Валька собралась возмутиться, но дверца хлопнула, ставя последнюю точку, а через несколько секунд, когда Сергей сел рядом, шелкнули замки, отрезая путь к свободе.

— Вы... — Она наконец-то хорошенько испугалась и потеряла дар речи.

— Небольшая прогулка, не более того, — успокоил «похититель». — Давай будем считать, что я просто помог тебе сделать выбор.

Отметив, что Сергей распрощался с официальным тоном и перешел на «ты», Валька погрузилась в глубокий шок. Противные иголки волной пробежали по спине и рукам, во рту пересохло, и только одна мысль пульсировала буквально во всем теле: «Зачем я им, зачем?»

* * *

Наташа уже сердилась на Вальку — притащила в магазин, а сама ушла куда-то. Босоножки за это время можно было купить раз десять, если не больше. Наташа улыбнулась, представляя, как они идут с ко-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

робкой в пакете мимо аптеки, супермаркета, автобусной остановки и какая Валька счастливая...

«Дома наверняка сразу же наденет обновку и до вечера не снимет. Вот где ее носит?!»

Насмотревшись на обувь и сумки, потеряв остатки терпения, Наташа вышла из магазина и сразу увидела серебристую иномарку. Большую, красивую, нагло припаркованную возле пешеходной дорожки. И странно... В машине сидела Валька! А еще в эту иномарку быстро сажился какой-то парень. Наташа не успела разглядеть лица, лишь плечи, темные волосы, белый воротник рубашки...

Хлопнула дверца, и иномарка сорвалась с места.

— Куда?.. — вылетел вопрос, оставшийся без ответа.

* * *

Шок — весьма удобная и полезная штука: ничего не болит, не беспокоит, не мешает. Но, к сожалению, время этого состояния рано или поздно подходит к концу, и тогда возвращаются зрение, слух и запоздалая паника.

Валька уловила звуки тихой, плавной музыки и сфокусировала тревожный взгляд на узком зеркале, к которому был подвешен маленький плюшевый медвежонок, качающийся то влево, то вправо.

— Как дела? — иронично спросил Сергей.

На миг Валька задержала дыхание... Кресла, обтянутые бархатной бежевой тканью, дверца и передняя панель приятного коричневого цвета, мягкий коврик, кнопочки... Просторно, красиво, светло. В такой машине ездить ей еще не приходилось, и поверить в то, что обладатель подобной роскоши может похитить какую-то там девчонку... Нет. Невозможно!

МАДЕМУАЗЕЛЬ СУДЬБА

«И он еще спрашивает, как у меня дела...» Пальцы крепче сжали гладкий конверт.

Нахмурившись, Валька медленно повернула голову в сторону Сергея. Ей захотелось хорошенько разглядеть его, попытаться угадать, о чем тот думает и что собирается делать дальше. Кто он? И часто ли развозит по Москве приглашения от неведомого К. Ю. Я.? Существует ли К. Ю. Я. или это замысловатая ловушка? «Зачем я им понадобилась...»

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Сергей улыбнулся. Валька мгновенно отвернулась к окну и поджала губы.

— Испугалась? — спросил он, отвлекаясь от дороги. — Я такой страшный?

— Нет.

Он расхохотался громко и искренне, и не было в этом смехе ничего подозрительного, угрожающего или зловещего. Так смеются довольные люди, вовсе не замышляющие пару-тройку гнусных преступлений.

Любопытство победило, и Валя с интересом стала рассматривать Сергея — взгляд запрыгал вверх, вниз, вверх, вниз... Почти черные волосы, и, кажется, они мягкие. Гладко выбрит, руки ухоженные. Да, глаза карие и нос прямой, без всяких горбинок и «трамплинов». Не курносый. Нет, этот человек не бандит с большой дороги. Но, с другой стороны, Валька прекрасно помнила, как Сергей подтолкнул ее к дверце машины, а она, между прочим, вовсе и не намеревалась никуда ехать.

— Ну что, Баталова Валентина Николаевна, будем дружить? А то двадцать километров уже вместе проехали и все как не родные. Да не собираюсь я тебя убивать, — Сергей широко улыбнулся. — Мы едем в гости, вот и все.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Но кто вы и откуда знаете мое имя? Вернее, как вы меня нашли? — с нажимом спросила Валька. — Зачем я вам? Что все это значит?

— Так случилось, — улыбнулся Сергей, — что я за тобой некоторое время приглядывал.

— Остановите машину, я хочу домой.

— К сожалению, не могу выполнить твою просьбу, посмотри в окно — леса, поля, никакой цивилизации.

Только сейчас Валька осознала, что Москва осталась далеко позади, кругом действительно простирались луга и поля, кое-где пересекаемые лишь зелеными рядами деревьев.

— Ничего, не пропаду, — ответила она, читая надпись на приближающемся указателе.

— Я понимаю, тебе страшно, но, поверь, бояться нечего. Прости, что около магазина несколько поторопил тебя... Ты сама потом все поймешь.

Эти слова никак не могли служить успокоительной микстурой, противное отчаяние подползло совсем близко и стало жадно обматывать руки и ноги гадкой липкой паутиной. Валька сжала губы и попробовала сделать очередной выбор: нить и канючить или принять неизбежное с гордо поднятой головой (и какой-нибудь подходящей революционной песней)? Она попыталась мысленно перечеркнуть хотя бы часть вопросов, забыть их, но ничего не получилось. Куда Сергей ее везет, почему так хорошо разговаривает, что значит «я за тобой некоторое время приглядывал», увидит ли она когда-нибудь Наташку и мерзкого Сухорукова и за что же такое наказание свалилось на нее прекрасным летним днем?

— Отпустите меня, пожалуйста, — заныла Валька и шмыгнула носом, — я же просто босоножки хотела

МАДЕМУАЗЕЛЬ СУДЬБА

купить... Черные или бежевые... Такой день был хороший, а вы все испортили... Поворачивайте обратно, никуда я не поеду, домой хочу, к Наташке!

— Та девушка, с которой ты пришла в магазин, твоя близкая подруга? — перебил жалостную речь Сергей. Вынув из кармана аккуратно сложенный носовой платок, он протянул его несчастной Вальке. — Слезы вытри. И чего вы, девчонки, такие плакучие? Ну, похитили немножко, ну, везут неизвестно куда и, да, совершенно непонятно, что ждет впереди, но реветь-то зачем?

Назло хорошенько высморкавшись в тонкий платок, Валька улыбнулась. Дурацкая мысль пронеслась в голове: если уж и предстоит умереть, то последние часы она проведет в обществе симпатичного, приятного Сергея, хоть в чем-то повезло.

— Ничего я про Наташку не скажу, а то вы и ее украдете.

— Хватит «выкаты», я вроде не старый — тридцать лет всего. И не нужна мне твоя подружка, зря беспокоишься.

— А зачем тогда спросил?

Переход на «ты» почему-то оказался для Вальки легким. Наверное, помогли тревога за подругу и вспыхнувшая злость.

— Надеюсь, твоя Наталья не отправится сейчас в полицию, все же ты уехала не попрощавшись. Позже можно будет позвонить ей.

— Почему попозже? Когда?

Валька только в этот момент вспомнила о существовании мобильного телефона. Это ж насколько у нее сейчас голова набекрень? Наташка! Она осталась в магазине и до сих пор не позвонила, не обрушила сто тысяч: «Ты где? Куда пропала?!», а должна уже

ЮЛИЯ КЛИМОВА

рвать и метать. Давным-давно должна! Рвать и метать!

Валька быстро взяла телефон, нажала кнопку, но темный унылый экран сообщил о том, что мобильник разряжен и в ближайшее время порадовать свою хозяйку звонким пиликаньем не сможет.

«Так вот почему от Наташки нет звонков...»

Сергей усмехнулся и весело сказал:

— В жизни разное случается, через пару часов сама решишь, что для тебя лучше: вернуться в двухкомнатную квартиру на краю Москвы или погостить в большом красивом доме.

ГЛАВА 2

— Юрий Яковлевич, все сделал, как вы сказали.

— Спасибо, Сережа. Надеюсь, ты не очень напугал ее? Знаю я твою любовь к спецэффектам...

— Черный юмор в разговоре не использовал, был корректен, тактичен и терпелив, — с улыбкой отчитался Сергей, вспоминая, как Валька осторожно его разглядывала.

Поднявшись из-за стола, Юрий Яковлевич Казаков подошел к окну. Раздвинув шторы, скрывавшие кабинет от ярких солнечных лучей, зажмурился и облегченно вздохнул, она здесь, рядом, Баталова Валентина Николаевна.

С возрастом сложнее подавлять приступы волнения, сложнее успокаивать уже побаливающее времянами сердце и мечтать, борясь по ночам с невыносимой бессонницей.

Казакову не так давно исполнилось пятьдесят восемь лет. Задув свечи на огромном двухэтажном торте под шумные аплодисменты родственников и друзей, он вспомнил кривенький шоколадный кекс, который в далеком детстве пекла по воскресеньям мать. Юрий Яковлевич многое бы отдал за кусочек рассыпчатой, горьковатой, пахнущей лимоном

ЮЛИЯ КЛИМОВА

выпечки, но, увы, на его тарелку водрузили высокий треугольник бисквита, перемазанный взбитыми сливками. С восковой вишенкой. Хотя... можно поблагодарить друзей за то, что они не заказали торт в виде голубого зайца, ярко-красной машины или острова с пальмой. Такие шедевры кондитерского искусства вызывали у Казакова приступы тошноты и острой подозрительности: вдруг этот синий, красный или желтый «пластилин» на веки вечные застрянет где-нибудь в желудке? Переваривает ли подобные изыски организм? Его желудок, уже далеко не молодой, точно не переварит.

— Она охотно поехала?

— Не очень, — ответил Сергей, глядя на слегка сутулую спину Казакова. — Не волнуйтесь, я дал понять, что никто ее здесь не обидит. Валентина сейчас в комнате для гостей на первом этаже. Сидит и ворчит на весь белый свет.

— Как вы доехали?

— Без проблем. В магазине осталась подруга Вали — Наталья, полагаю, девушку нужно успокоить.

— Спасибо еще раз, ты меня всегда выручаешь, — ответил Юрий Яковлевич, возвращаясь к столу. Волнение отхлынуло, на душе стало легко, спокойно, и в голове закрутилась несколько позабытая мелодия из старого черно-белого фильма.

— Не за что, — сказал Сергей, поднимаясь с кресла. Уже лет шесть он был правой рукой Казакова, его незаменимым помощником: выполнял поручения, участвовал в переговорах, мотался в командировки. Такая работа не только нравилась, но и являлась освежающим глотком колодезной воды в суматошной, местами однообразной жизни. — Валентина — за-

МАДЕМУАЗЕЛЬ СУДЬБА

бавная девчонка, надеюсь, она согласится у вас погостить.

— Буду рад, буду рад, — с улыбкой произнес Юрий Яковлевич.

Оставшись в одиночестве, он расстегнул пуговицы тугой жилетки, достал из кармана носовой платок и промокнул выступивший на лице пот. Седая прядь упала на лоб, пальцы забарабанили по столу, глаза остановились на фотографии, где еще стройный Казаков стоял рядом с рослым мужчиной, облокотившимся на охотничье ружье.

— Давно это было... — пробормотал Юрий Яковлевич, дотрагиваясь до шершавой рамки. Он выдвинул ящик стола, достал серебряный портсигар с витиеватым рисунком и надписью: «Лучшему другу. Николай», немного помедлил, а потом посмотрел на пепельницу. Затянулся, закрыл глаза, и сознание тут же нарисовало худенькую фигурку Валентины. — Надо идти, — произнес он, настраиваясь на разговор.

Спускаясь по лестнице на первый этаж своего загородного дома, Юрий Яковлевич улыбался. Необъяснимая радость растеклась по телу, заставляя перешагивать через ступеньку. Вот так иногда, без предупреждения, к людям возвращается молодость. Она щекочет нос, ускоряет движения, перечеркивает болезни, бодрит. И от этих свежих ощущений невозможно отказаться — ни за что и никогда! Мелодия из черно-белого фильма стала четче и ярче, зазвучала громче и в конце концов взвилась к потолку, провозглашая победу над упрямым временем.

Открыв дверь, Казаков сразу увидел Вальку и прищурился, стараясь разглядеть ее получше: гостья сидела на небольшом кожаном диванчике и задумчиво теребила край футболки.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Добрый день, — произнес Юрий Яковлевич, заходя в комнату. Наткнувшись на напряженный вопросительный взгляд, он застегнул верхнюю пуговицу жилетки, одернул пиджак, вытянулся по-военному и торжественно представился: — Казаков Юрий Яковлевич. Это от меня ты получила приглашение, и по моей просьбе Сергей привез тебя сюда. Не сердись на него, виновник твоих злоключений я и только я. — Он поднял руки, сдаваясь.

Валька уже ничему не удивлялась, настроение несколько изменилось минут пятнадцать назад. Ноги в прозрачных шлепках ступили на мягкий ворсистый ковер в гостиной, Сергей шепнул в ухо: «Золушка, добро пожаловать на бал», в глазах замелькали зеркала, лаковая лестница, мебель цвета спелой черешни, огромная люстра с тонкими длинными стекляшками и круглый стол, покрытый белоснежной скатертью, спускающейся до пола, — все закружилось, унося прочь большую часть тревог и подозрений. Здесь было так хорошо и красиво, что Валька наконец-то поверила словам Сергея: уж точно никто не собирается сокращать численность населения на планете Земля на одну тошную единицу. На Вальку. Такую дорогущую мебель пачкать кровью, по меньшей мере, глупо.

Оказавшись в небольшой уютной комнате с кремовыми шторами и кроватью, застеленной золотистым покрывалом, усевшись на диванчик, она стала ждать, когда же ей объяснят, что происходит, когда отпустят домой. И Наташке нужно позвонить, но вряд ли в этом доме найдется зарядка для мобильного телефона, купленного три года назад, — устаревшая модель! Впрочем, это ерунда, позвонить можно и с домашнего.